

Сочинение-письмо «Вспоминая войну...»

участник Всероссийского Конкурса сочинений «Без срока давности»,
ученицы 11 класса МБОУ «Татарская гимназия имени Р.Ш. Фардиева» Ягодкиной Екатерины.

Руководитель: Ахметвалеева Р.М.,
учитель русского языка высшей кв. категории

Здравствуй, моя дорогая внученька, моя Екатерина! Не раз ты просила меня рассказать, а лучше написать воспоминания о своей молодости. Да, тяжела оказалась шапка Мономаха... Родилась я в Заинском районе, в селе Сарапала. Когда началась война, мне было 17 лет. Радио в селе не было, до райцентра 15 км. То воскресенье было спокойное. Мы, молодежь села, вечером собрались в саду. Никогда еще не было такого веселья: гармошки, балалайки, танцы (как будто чувствовали, что все это в последний раз). Разошлись на рассвете. Мы с сестренкой стали засыпать, как на улице раздался плач, вой. Утром мама говорит: «Началась война с Германией, забрали шестерых трактористов. Так и пошло: каждую неделю отправляли на фронт 8-10 человек. И к зиме забрали всех, кто помнил, как держать в руках оружие. Остались подростки и «забывшие» службу. К ним принадлежал и наш папа (было ему тогда 44). Стали их обучать военному делу. Как-то пришел к нам друг папы из соседней деревни Кряшен, и спрашивает:

- Ну ты, дядя Архип, играть-то ходишь?
- Хожу, дядя Василий, хожу.
- А ты, дядя Василий, ходишь играть?
- Хожу, дядя Архип, хожу.

Вот так он «поиграли» до января и в феврале папу взяли в армию. Село обезлюдело. Остались одни женщины. У каждой было самое малое – пятеро детей, в хозяйстве скотина, огород. В поле работали от темна до темна. Все зерно шло на фронт. Иные «рьяные» председатели выскребали даже семенное зерно. Так что людей выручало только свое хозяйство. Из каждого хозяйства полагалось внести налог: масло, молоко, мясо, шкуры (свиной опаливать было запрещено). Еще вязали носки, варежки с двумя пальцами и отправляли на фронт. Вносили деньги для постройки самолета или танка. Жилось очень тяжело, но никто никогда не выразил слова протеста или жалобы. Говорили: «Ладно, мы как-нибудь на картошке да затирухе выдюжим, лишь бы воины наши были сыты, быстрее победим фашистов!»

Похоронки стали приходиться с первых же месяцев. Слез было много, но люди крепились... Из села погибло 90 человек...

Работала я на заготовке торфа для спиртзавода. Осенью послали на курсы. Весной 1942 я уже работала мастером. На участке работало 120 человек. В основном – дети от 12 до 15 лет, женщины и с десятков стариков. Дети есть дети. Среди дня смотришь – производство «оголено». Часок дам им отдохнуть, а потом иду искать «рабочих»! А работнички-то мои с удовольствием плещутся или

играют в прятки, забыв, что они настоящие рабочие... Работали с шести утра до 6 вечера. Безотказные были ребяташки...

Осенью, по окончании сезона, меня перевели в лес – мастером по заготовке дров. Так и пошло: летом-торф, зимой – лес... В феврале 1944 и мне пришла повестка в армию. Мама принесла повестку к директору, он сразу стал звонить в военкомат: «Ну что вы делаете? С кем я буду работать? Оставьте мне хоть девчонку-то. Так меня и оставили – на брони. Так потихоньку время шло: рабочие работают, а война «воюет».

И вот первые 15-летние выросли, ушли в армию, им подросла смена. В обеденный перерыв читаю им газеты. Война идет уже за границей. Чем ближе ее окончание, тем больше стало похоронок. Русские их встречают плачем, татары же молчат: кричать не положено. Мама все время удивлялась на матерей-татарок: «Как они могут выносить такую муку молча, без слез. Придут только утром на работу, лицо чернее черного.

- Кто Лябипа апа?

- Сын.

- Кто Гарифзян абый?

- Брат (зять, внук, дочь). Может, не надо было выходить на работу. Нет, на работе, да на людях переносить легче.

Вот настала весна. Накануне 1 мая приехал Илья Степанович, привез ткань для рабочих. Эвакуированная Анна смеется: «Мне дайте «покраснее»! Ночью сошью дочке платье и понесу ее вместо флага».

9 мая 1945 года, как обычно, начали работать. В 9 часов я вышла из конторки. Утро было ясное. Смотрю. Издали вижу, что вдалеке в нашу сторону мчится галопом лошадь с таранасом. Кто может мчаться? Илья Степанович – человек спокойный. Что-то не то! Когда лошадь поравнялась с началом торфоболота, встал во весь рост мужчина, и мы узнаем Илью Степановича. Он что-то кричит рабочим, машет руками. Когда стали подъезжать ближе, мы разобрали его слова: «Победа! Победа!» Кажется, за 5 минут собрались все рабочие. Обнимаются, целуются. Наши повара поспешили с праздничным обедом. В столовой, на лужайке, постелили простыни, и всей рабочей семьей, с шутками-прибаутками сели обедать. Пир на весь мир! А старички-то наши когда, как и чем успели «взбодриться»? И вот они уже веселенькие песню затянули. А какие красивые старинные песни пели! Прелесть! Веселились почти до вечера, а молодежь и вечер прихватила. У всех на душе легко стало. Зажили спокойно. Стали возвращаться с войны. Жизнь постепенно стала входить в нормальную колею. Прошли годы... Прошли десятилетия... Все глуше эхо Великой войны. Но кто все это пережил, тот никогда не забудет тех страшных дней.

Но вот однажды утром я просыпаюсь с такой тяжестью в душе. Болит моя душа, разрывается о Васе-однокласснике. Что такое? Никогда не вспоминала без причины. Рвется душа! А потом осенило: не день ли его гибели? Зашла в церковь, заказала по нему панихиду. В магазин зашла, кое-чего купила и пришла к Тоне-однокласснице.

- Тоня, ты не помнишь, когда Васе похоронка пришла?

- Ой, Зина, не помню не только день, месяц, но и год. Только помню, что снега тогда были большие. Позвали мы соседку и Васю помянули. Но у кого узнать? Никого не осталось. А потом думаю:

- А чего же? Ведь есть «Книга памяти» на все районы! Пошла в библиотеку и выписала всех своих земляков. Да вот беда: погибли из села 90 человек, а записано 42. Но, слава богу, Вася оказался здесь. И...точно в тот день в конце февраля погиб. Что вот заставило мою душу вспомнить его? Сирота, без отца, брат погиб. Помянуть его уже некому... Царство им небесное. Всем, без времени ушедшим из жизни. Вот надо бы нам, живым, поминать их почаще...

С любовью к тебе, твоя бабушка.
До свидания! Пиши.